

Антонина
Чернецова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПЕТЛЯ

Антонина Чернецова

Петля

<https://litres.ru/74285494>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они стали заложниками старого дома. Но настоящий плен – это не замки и решётки. Это то, что прячется глубоко внутри. Перед героями всегда есть выбор: покинуть дом или признаться в том, что обитатели дома – добровольные узники.

Содержание

Рассказ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Петля

Рассказ

Я поставила перед ним тарелку с жарким и уселась на крепкий старый табурет, грубо выкрашенный голубой масляной краской. Давно засохшие потёки этой краски свисали с сидения и наплывали жирными гладкими каплями на его ножки. На мне была Его белая рубаха, надетая на голое тело. Прислонившись к стене, я опёрлась пятками на сидение табурета, прижала к груди ноги, обняв за колени, наблюдала за тем, как Он ест.

Он разминал ложкой картошку в тарелке. Взглянул на меня, откинул назад чёлку, улыбнулся:

– Детка, ты знаешь, что ты прелесть?

– Ты слишком часто говоришь мне об этом, чтобы я была.

Я послала Ему воздушный поцелуй, спустила с плеча рубашку, провела пальцем по своей коже, не отрывая от Него взгляда. Он любит, когда я так смотрю: мягко, покорно, но в то же время маню, обещаю, влеку.

Он отвлёкся от еды, промокнул рот салфеткой, его пальцы сомкнулись на моей лодыжке, Он наклонился, притянул мою голую ступню к своей небритой щеке, потёрся о неё. Мне было щекотно, я смеялась, пытаюсь не свалиться с табурета

и отнимала свою ногу.

– Я боюсь щекотки, милый, ты же знаешь!

– Конечно, знаю, – Он легонько укусил меня за большой палец.

В кухне почти беззвучно появилась Старуха. Он выпрямился, выпустив меня, строго сказал:

– Прикройся.

Я запахнула на груди рубаху и предложила пожилой женщине:

– Покушайте с нами!

Та с готовностью уселась рядом с Ним. Она была одна, но я поставила на покрытый липкой клеёнкой стол две тарелки, подала две ложки. Старуха накрошила хлеба в свою тарелку, и, попробовав предложенное блюдо, одобрительно сказала:

– Очень вкусно!

Он доел свою порцию, встал со стула. Мебель в кухне была разномастная, но Он всегда занимал старый венский стул с высокой спинкой.

– Солнышко, чай попьем в комнате, – обратился Он ко мне и вышел из кухни. Выходя, он успел залезть под подол рубашки и погладить меня по ягодицам.

Я ждала, пока закипит большой, голубой чайник. Под ним горел огонь, и самые смелые языки пламени облизывали закопчённые бока посуды, но вода закипать не спешила.

– Вы чай пить будете? – спросила я Старуху, желая занять неловкую паузу.

Если не говорить с ней, она начнёт бредить и обращаться к своему давно умершему мужу. Для него, несуществующего и невидимого, я и поставила вторую тарелку с жарким. Одна, без своего Мертвеца, Старуха есть отказывалась.

Мы с Ним не обязаны её кормить, она нам – никто. Вынужденная соседка. Сумасшедшая бабка, вечно бубнящая и живущая в своём мире. С первого взгляда и не скажешь, что она умалишённая. Опрятная милая дама, может вполне дружелюбно поддержать разговор, но первая никогда его не затевает.

Её муж давно умер, об этом сообщает фото с траурной лентой, которое стоит на пузатом комодике у самого входа в большую, плотно заставленную старой мебелью комнату Старухи. С фото весело глядит крепкий бородатый дед, опирающийся на черенок то ли лопаты, то ли мотыги – не видно, снято по грудь. Одет он в лёгкую льняную рубаху и смешную панаму, сдвинутую чуть набок. Как будто в огороде работал, а кто-то его походя щёлкнул. Не самый подходящий снимок для кладбища, но он давал исчерпывающее представление о личности того, кто на нём изображён.

Старуха думает, что то он до сих пор живёт с ней. Она обращается к нему по имени, гуляет по двору, как будто под руку с кем-то. Разгадывая кроссворды, всегда читает вслух вопросы, и через какое-то время восхищается умом и хорошей памятью своего Мертвеца.

– Эй, Детка! – с издёвкой обратился ко мне хриплым го-

лосом ещё один сосед, вошедший в общую кухню. – А меня накормишь? Моя не в духе.

– С чего мне быть в духе? – рывкнула его дражайшая, испитая лохматая женщина в выцветшем покрытом пятнами халате. – С того, что на опохмел мне пустую бутылку оставил, скотина?

Косметичка и Маргинал – вечно пьяная, избитая друг другом, но неразлучная парочка.

– Опять ты к этой фифе яйца катишь? – недобро зыркнула на меня Косметичка и дыхла в лицо перегаром:

– Что вылупилась, давно в бубен не получала?

– Никогда не получала, – честно призналась я, не глядя на неё.

Косметичка отвлеклась на мужа, пытаясь оттереть пятно с его заношенной футболки. Вода в чайнике наконец закипела, я приготовила чай в большой кружке, как Он любит: три ложки сахара, молоко, подождала пока Старуха соберёт мякишем хлеба остатки еды с тарелки.

– Чаю налить вам? – повторила я вопрос, не обращая внимания на разгоравшуюся ссору между буйными соседями.

– Нет-нет, – поспешно отказалась женщина, поднялась, оставив на столе грязную посуду, и направилась к одному из стоявших в кухне холодильников, старому Зилу с заляпанной дверцей.

Взяв кружку, Московскую плюшку и остатки сливочного масла, я покинула кухню, не позаботившись о том, чтобы на-

вести порядок после трапезы.

Он лежал в постели и лениво щёлкал пультом телевизора. Переведя на меня взгляд, он откинул пульт и похлопал по покрывалу рядом с собой:

– Иди ко мне, детка.

Голос у Него тихий и ласковый, я подчинилась, на ходу скинула на пол рубашку, залезла на продавленный диван, добавив движениям грации, уселась на Него, потёрлась лицом о Его колючую щёку, прижалась к Его шее, вдохнула Его запах, шепнула Ему:

– Чай остынет.

– Непременно остынет.

Он опрокинул меня на спину, лёг сверху. Мои волосы разметались по подушке. Вскоре мы сменили позу, он зажал их в кулаке, туго намотал на руку, заставляя меня выгибать шею. Он любит властвовать. Я подчиняюсь, потому что мне нравится его власть надо мной.

– Не останавливайся, – прошу я, зная, что он вот-вот закончит, начинаю двигаться ему навстречу, наши тела с хлопками встречаются, повторяю:

– Не вздумай прекращать!

Он замер на пару секунд, выдохнул, отпустил мои волосы, откинулся на диван, увлёк меня за собой. Улыбался уголком рта, часто дышал, водил кончиками пальцев по моей покрытой мурашками коже. Я прижалась к нему. Наши сердца бились в унисон, мы оба это чувствовали. Он вплёл пальцы в

мои волосы, чуть коснулся губами виска.

Я прелесть. Я – чудо... Да, милый, знаю, ты говоришь это постоянно. Ты – такая же ловушка, как и этот дом.

После мне приходится снова кипятить воду. Он этого не требует, но я знаю, что остывший чай Он пить не будет.

Пока снова грелся чайник, я убрала со стола. Порцию Мертвеца кто-то доел. Поставила грязные тарелки в большую покрытую затёртой эмалью раковину, открутила допотопный кран. Он зашипел, а затем оттуда со свистом вырвался фонтан воды, который откатил меня с ног до головы.

– Сука! – не выдержала я, в сердцах кинула на пол кухонное полотенце и подошла к окну.

Оконные рамы здесь разошедшиеся с облупившейся краской, маленькая форточка была открыта, но я не почувствовала свежести морозного дня в кухне. Лишь липкий, как кисель воздух, пропитанный бредом Старухи, перегаром Маргинала и нашей с Ним похотью. Прижалась лбом к стеклу и с ужасом поняла, что начинаю к этому привыкать.

Возле входа в дом рядом с покосившимся забором и завалившейся лавочкой, как бельмо на глазу, красовались два дорогих автомобиля. На одном из них, маленьком и быстром, приехала сюда я. На другом, большом и статусном – Он.

В окно же увидела, как к дому подъезжает знакомый курьер на велосипеде. Улыбчивый молодой мужчина, одетый в куртку с логотипом курьерской службы, с квадратным рюкзаком за плечами. Он уверенно крутил педали, лавируя по

снегу. Сегодня мы ничего не заказывали, но мне очень захотелось поговорить с ним. Я побежала к выходу, открыла тяжёлую скрипучую входную дверь, выглянула наружу. Курьер спешился и шёл вдоль дома, ведя свой велосипед за руль и намереваясь повернуть за угол.

Я окликнула его, он повернулся, широко улыбнулся, с видимой охотой поспешил ко мне, не слишком вежливо затолкал меня в дом, вошёл сам и закрыл дверь.

– Холодно, – снова улыбнулся он, объясняя своё действие, – а вы легко одеты. Ещё и в шлёпанцах выскочили.

Я опустила взгляд. Из старых мужских сланцев огромного размера торчали пальчики с безупречным педикюром. Непонятно зачем я спрятала одну ногу за другую.

– Мне хотелось поговорить с вами, – я бездумно покрутила в пальцах завязку от капюшона его куртки.

– Красивым девушкам обычно не отказывают в просьбах, – Курьер был весел и, как будто передразнивая меня, стал крутить пуговицу надетой на меня рубашки.

– Сейчас не получится, – поморщилась я с досадой.

– Ночь – лучшее время для откровений, – подмигнул Курьер.

– Добудьте мне бутылку виски, – я сложила руки в молитвенном жесте, – Он выпьет, будет крепко спать до утра и не заметит, что меня нет рядом.

Курьер присел на корточки, попытался расстегнуть свой рюкзак, замок заело. Я тоже присела, хотела помочь ему, мы

легонько стукнулись лбами, засмеялись. Молния поддалась. Внутри рюкзака оказалось несколько бутылок: вино, виски, шампанское и банки с пивом. Я вытащила виски, поблагодарила.

– Остальное нам, – Курьер поднялся и снова подмигнул мне. – Приходи в дворницкую, во дворе. Я вернусь с работы и буду там до утра. Если я не дождусь тебя, выпью всё сам.

* * *

Помещение, которое курьер называл дворницкой, я нашла очень легко – небольшая пристройка к дому за углом. И как я раньше его не замечала? Постучав в низенькую дверь, я услышала нетерпеливое приглашение войти и поспешила его принять.

Комната была без окон, и внутри казалась больше, чем снаружи. У стены топилась дровяная печь на изогнутых ножках. Дверца её была открыта, и отблески огня уютно освещали помещение. В углу громоздились мётлы, лопаты, ломы для льда и прочий инвентарь. В центре комнаты стоял небольшой круглый столик, покрытый скатертью с бахромой, вокруг стола – несколько табуретов. Дальнюю часть комнаты занимала кровать с панцирной сеткой и металлическим изголовьем, прилежно застеленная ярким покрывалом. На прибитой к стене полке ровными рядами стояли книги, рядом громоздился платяной шкаф, к которому был прислонён велосипед. Особенно мило в убранстве комнаты смотрелись ковры: небольшой тканый коврик перед кроватью и

шерстяной настенный ковёр над ней.

Было жарко, и Курьер начал стягивать с себя свитер с высокой горловиной.

– Помоги, пожалуйста, – промычал он откуда-то из глубины свитера, обращаясь, ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.